

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Мартин Хайдеггер

Преодоление метафизики [1]

Перевод В. В. Библикина

Источник: Мартин Хайдеггер "Бытие и время". Москва, издательство "Республика", 1993

I. Что значит "преодоление метафизики"? Бытийно-историческая мысль применяет это обозначение лишь как вспомогательное для того, чтобы вообще сделать себя понятной. По существу оно дает повод для многих недоразумений, ибо оно не ведет понимание к той основе, в свете которой история бытия только и обнаруживает свою суть. Эта суть — событие, в которое всегда вплетено само бытие. Преодоление, прежде всего, не означает вытеснения определенной дисциплины из сферы философской "культуры". "Метафизика" мыслится все-таки как судьба истины сущего, т. е. его бытия в качестве пока еще непотопленного, но исключительного события, а именно забывания Бытия [2].

Поскольку под преодолением подразумевают нечто устроенное философией, более уместным именованием могло бы быть; уход метафизики. Конечно, это вызывает новые ложные представления. Уход означает здесь: она прошла и стала бытием. Уходя, метафизика есть как прошедшее. Уход не исключает, а наоборот, предполагает, что теперь метафизика впервые только и вступает в свое безраздельное господство среди самого сущего как это последнее в безыстинном образе действительности и предметности. В свете своего раннего начала метафизика прошла одновременно в том смысле, что пришла к концу. Конец может длиться дольше, чем вся предыдущая история метафизики.

II. От метафизики нельзя отделаться словно от некоего воззрения. Ее никоим образом не возможно оставить позади как учение, в которое уже никто не верит и за которое никто не стоит.

То, что человек как *animal rationale*, т. е. теперь — как трудящееся живое существо вынужден снова и снова пересекать в своих блужданиях пустыню земного опустошения, могло бы быть знаком того, что метафизика есть событие в самом бытии и преодоление метафизики совершается как превозмогание бытия. В самом деле, труд (ср. Эрнст Юнгер, "Трудящийся", 1932) достигает сейчас метафизического ранга абсолютного предмечивания всего присутствующего, существо которого покоится в воле к воле [3].

Если это так, то мы зря воображаем, будто предчувствие конца метафизики позволяет нам встать вне ее. Ибо преодоленная метафизика не улетучивается. Она возвращается видоизмененной назад и остается у власти в качестве продолжающего править отличия бытия от сущего [4].

Закат истины сущего означает: явленность сущего и *только* сущего утрачивает прежнюю исключительность своего определяющего статуса [5].

III. Закат истины сущего совершается с необходимостью, а именно как завершение метафизики.

Закат происходит, во-первых, в виде крушения мира, запечатленного метафизикой, и, во-вторых, в виде исходящего от метафизики опустошения земли.

Крушение и опустошение достигают соразмерной им полноты в том, что человек метафизики, *animal rationale*, упрочивается в статусе трудящегося животного.

Такое упрочение статуса утверждает крайнюю слепоту в отношении забвения бытия. Человек, однако, водит себя как добровольца воли к воле, для которого всякая истина

Мартин Хайдеггер

Преодоление метафизики [\[1\]](#)

Перевод В. В. Бибихина

Источник: *Мартин Хайдеггер “Бытие и время”*. Москва, издательство “Республика”, 1993

I . Что значит “преодоление метафизики”? Бытийно-историческая мысль применяет это обозначение лишь как вспомогательное для того, чтобы вообще сделать себя понятной. По существу оно дает повод для многих недоразумений; ибо оно не ведет понимание к той основе, в свете которой история бытия только и обнаруживает свою суть. Эта суть — событие, в которое всегда вплетено само бытие. Преодоление, прежде всего, не означает вытеснения определенной дисциплины из сферы философской “культуры”. “Метафизика” мыслится все-таки

как судьба истины сущего, т. е. его бытия в *качестве* пока еще потаенного, но исключительного события, а именно забывания Бытия [2] .

Поскольку под преодолением подразумевают нечто устроенное философией, более уместным именованим могло бы быть; уход метафизики. Конечно, это вызывает новые ложные представления. Уход означает здесь: она прошла и стала былью. Уходя, метафизика *есть* как прошедшее. Уход не исключает, а наоборот, предполагает, что теперь метафизика впервые только и вступает в свое безраздельное

господство среди самого сущего как это последнее в безыстинном образе действительности и предметности. В свете своего раннего начала метафизика прошла одновременно в том смысле, что пришла к концу. Конец может *длиться* дольше, чем вся предыдущая история метафизики.

II. От метафизики нельзя отделаться словно от некоего воззрения. Ее никоим образом не возможно оставить позади как учение, в которое уже никто не верит и за которое никто не стоит.

То, что человек как animal rationale, т. е. теперь — как трудящееся живое существо вынужден снова и снова пересекать в своих блужданиях пустыню земного опустошения, могло бы быть знаком того, что метафизика есть событие в самом бытии и преодоление метафизики совершается как превозмогание бытия. В самом деле, труд (ср. Эрнст Юнгер, “Трудящийся”, 1932) достигает сейчас метафизического ранга абсолютного опредмечивания всего присутствующего, существо которого покоится в воле к воле [\[3\]](#) .

Если это так, то мы зря воображаем, будто предчувствие конца метафизики позволяет нам встать вне ее. Ибо преодоленная метафизика не улетучивается. Она возвращается видоизмененной назад и остается у власти в качестве продолжающего править отличия бытия от сущего [\[4\]](#) .

Закат истины сущего означает: явленность сущего и *только* сущего утрачивает прежнюю исключительность своего определяющего статуса [\[5\]](#) .

III. Закат истины сущего совершается с необходимостью, а именно как завершение метафизики.

Закат происходит, во-первых, в виде крушения мира, запечатленного метафизикой, и, во-вторых, в виде исходящего от метафизики опустошения земли.

Крушение и опустошение достигают соразмерной им полноты в том, что человек метафизики, *animal rationale*, упрочивается в статусе трудящегося животного.

Такое упрочение статуса

утверждает крайнюю слепоту в отношении забвения бытия. Человек, однако, водит *себя* как добровольца воли к воле, для которого всякая истина становится, тем заблуждением, в котором он нуждается [\[6\]](#) , чтобы обеспечить себе самообман насчет того, что воля к воле не может водить ничего другого, кроме ничтожного ничто [\[7\]](#) , в противостоянии которому он себя утверждает, не умея заметить свою собственную законченную ничтожность.

Прежде чем сможет наступить событие Бытия в его изначальной истине, должно сперва надломиться

бытие как воля, мир должен быть принужден к крушению, земля — к опустошению и человек — к пустому труду. Только после этого заката сбудется через долгое время внезапная тишина Начала. На закате все, т. е. то сущее в целом, о котором метафизика высказывает свои истины, идет к своему концу.

Закат уже состоялся. Следствие этого события — обстоятельства всемирной истории нашего столетия. Они обставляют собою уже просто лишь истечение законченного. Его протекание в духе последней стадии метафизики упорядочивается техникой историографии. Это

упорядочение есть последняя организация законченного в видимость “действительности”, дело которой действует неотвратно, потому что оно настроилось обходиться без раскрытия *существа бытия*, причем с такой решительностью, что не нуждается ни в каких предчувствиях такого раскрытия.

Человечеству метафизики отказано в пока еще сокровенной истине бытия. Трудящееся животное оставлено дышать угаром своих достижений, чтобы оно растерзало само себя и уничтожилось в ничтожное ничто.

IV. Почему метафизика присуща природе человека? При первом приближении человек в метафизическом представлении есть сущее среди другого сущего, снабженное способностями. Это таким-то образом устроенное существо, его “природа”, “что” и “как” его бытия сами по себе метафизичны: animal (чувственность) — и rationale (внечувственное). Очерченный такими границами внутри метафизики, человек привязан к непонятому различию между сущим и бытием. Метафизически

отчеканенный способ человеческого представления обнаруживает повсюду только метафизически устроенный мир. Метафизика присуща природе человека. Но что такое сама природа? Что такое сама метафизика? Кто такой, внутри этой природной метафизики, сам человек? Есть ли он простое Я, которое впервые по-настоящему утверждается в своем Я лишь через обращение к Ты, потому что существует в отношении Я к Ты?

Ego cogito, мыслящее Я, есть для Декарта то, что во всех cogitationes заранее уже пред-ставлено и установлено, — присутствующее, не

вызывающее вопроса, несомненное, всегда заранее уже известное знанию, подлинно достоверное, прежде всего установленное, а именно как то, что ставит всё перед *собой* и тем противо-поставляет другому [\[8\]](#) .

К пред-мету, “противо-поставленному”, относится, во-первых, состав, “что” пред-стоящего (*essentia-possibilitas*) и, во-вторых, само пред-стояние противостоящего (*existentia*) [\[9\]](#) . Предмет есть это единство пред-стояния и состава. Состав в своем пред-стоянии сущностно отнесен к устанавливающей деятельности

пред-ставления как
удостоверяющеобеспечивающего,
планирующе-проектирующего
процесса. Изначальный предмет есть
само предстояние. Изначальное
предстояние есть “я мыслю” в
смысле “я воспринимаю”, заранее
пред-лежащее и предложившее себя
всему воспринимаемому, ставшее для
него субъектом (sub-iectum, пред-
лежащим). Субъект в структуре
трансцендентального генезиса
предмета есть первый объект
онтологического представления.

Ego cogito есть cogito: me cogitare

[\[10\]](#) .

V. Новоевропейская форма онтологии — трансцендентальная философия, превращающаяся в теорию познания.

Почему в новоевропейской метафизике возникает такое? Потому что бытие сущего начинают мыслить как его присутствие *для* устанавливающего представления. Бытие есть теперь предметная противопоставленность. Вопрос о предметной противопоставленности, о возможности такого противопоставления (а именно устанавливающему,

рассчитывающему представлению)
есть вопрос о познаваемости.

Но этот вопрос подразумевается,
собственно, как вопрос не о физико-
психическом механизме
познавательного процесса, а о
возможности присутствия предмета
в познании и для него.

“Теория” такого “познания” есть
рассмотрение, θεωρία, поскольку
то ον, сущее, помысленное как
предмет, исследуется в аспекте его
предметного предстояния и
обеспечения возможности такого
предстояния (η ον) [\[11\]](#) .

В каком смысле Кант своей трансцендентальной постановкой вопроса обеспечивает метафизике Нового времени эту ее метафизичность? Поскольку истина становится достоверностью и собственная сущность (οὐσία) сущего превращается в предстояние перед perceptio, восприятием, и cogitatio, со-ображением представляющего сознания, т. е. знания,— постольку знание и познание выдвигаются на передний план [\[12\]](#) .

“Теория познания” и то, что таковой считается, есть в своей основе метафизика и онтология,

стоящая на истине как на достоверности устанавливающего представления.

Напротив, истолкование “теории познания” как объяснения “познания” и “теории” науки сбивает с толку, хотя все эти устанавливающеудостоверяющие хлопоты в свою очередь — лишь следствие перетолкования бытия в предметность и представленность.

Под рубрикой “теория познания” скрывается растущая принципиальная неспособность новоевропейской метафизики видеть свое собственное существо и его

основание. Разговоры о “метафизике познания” увязают в том же недоразумении. По существу дело идет о метафизике предмета, т. е. сущего как предмета, объекта для некоего субъекта.

В наступлении логики дает о себе знать просто обратная сторона теории познания, ее эмпиристски-позитивистское перетолкование.

VI. Завершение метафизики начинается с гегелевской метафизики абсолютного знания как воли духа.

Почему эта метафизика есть лишь начало завершения, а не завершение? Разве безусловная достоверность не возвратилась к самой себе в качестве абсолютной действительности?

Есть ли здесь еще какая-то возможность превосходения себя? Пожалуй, уже нет. Но пока еще не использована полностью возможность безусловного сворачивания всего в себе как в жизненной воле. Воля еще не явила себя как *воля к воле* внутри своей, ею подготовленной, действительности [\[13\]](#). Поэтому в гегелевской абсолютной метафизике духа

метафизика еще не завершилась окончательно.

Вопреки пресной болтовне о крушении гегелевской философии остается в силе одно: в XIX столетии только эта философия определяла собой действительность, хотя и не в поверхностной форме общепринятого учения, но как метафизика, как господство бытия сущего в смысле удостоверенности. Противотечения, идущие против этой метафизики, послушны ей. Со смерти Гегеля (1831) всё — лишь противотечение. Не только в Германии, но в Европе.

VII. Метафизику отличает то, что сплошь да рядом *existentia* в ней если вообще рассматривается, то всегда лишь вкратце и как нечто само собой разумеющееся. (Ср. скупое пояснение постулатов действительности в кантовской “Критике чистого разума”.)

Единственное исключение составляет Аристотель, который продумывает “энергейю”, при том что никогда с тех пор эта его мысль не смогла стать в своей изначальности значимой. Превращение аристотелевской *ἐνεργεια* в *actualitas* и в

действительность заслонило собою все, что приоткрылось, в $\epsilon\upsilon\epsilon\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$.

Связь между бытием, $\omicron\nu\sigma\iota\alpha$ и $\epsilon\upsilon\epsilon\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$ затемняется. Лишь Гегель снова продумывает существование, $\epsilon\chi\iota\sigma\tau\epsilon\iota\alpha$, но — в своей “Логике”. Шеллинг осмысливает его через различие “основания” и “экзистенции”, однако это различие коренится в субъективности.

В сужении бытия до “природы” слышится поздний и приглушенный отголосок бытия как $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$ [\[14\]](#) .

Природе противопоставляются разум и свобода. Коль скоро природа

есть сущее, свобода и
должействование не мыслятся как
бытие. Дело останавливается на
противоположении бытия и
долженствования, бытия и ценности.
Наконец, когда воля приходит в свое
крайнее не-истовство, само бытие
становится простой “ценностью”.
Ценность мыслится как условие
самоутверждения воли [\[15\]](#) .

VIII. Метафизика во всех своих
видах и на всех исторических
ступенях есть особенный, но,
возможно, также и неизбежный рок
Запада и предпосылка его

планетарного господства. Воля, водящая это господство, действует теперь обратным действием на средоточие Запада, из какового средоточия эту волю опять встречает тоже только воля.

Развертывание безусловного господства метафизики стоит пока еще лишь у своего начала. Оно наступит, когда метафизика скажет “да” присущему ей не-истовству, отдаст ему и утвердит в нем свою истину.

Метафизика есть рок в том строгом, здесь только и имеющемся в виду смысле, что она, будучи

основной чертой
западноевропейской истории,
обрекает массы человечества на
сущее *без того*, чтобы бытие сущего
в качестве двусложности того и
другого могло исходя из метафизики
и ею когда-либо быть замечено,
осмыслено и воспринято в своей
истине.

Этот рок, который надо мыслить
бытийно-исторически, однако,
неизбежен потому, что бытие только
тогда и может просветлить в его
истине хранимое им различие бытия
и сущего, когда само это различие
станет собственно событием. А как
оно станет событием, если сущее

сперва не будет охвачено крайним забвением бытия и одновременно бытие не приведет к своему, метафизически непостижимому, бузусловному господству в качестве воли к воле, которая прежде всего дает о себе знать единственно через первенство сущего (предметно-действительного) над бытием? [\[16\]](#)

Так сам принцип различения, коренящийся в названном различии, выступает неким образом на передний план и все равно остается потаенным в странной нераспознаваемости. Оттого и различие тоже остается за завесой. Признак этого — метафизически-

техническая реакция на боль,
заранее предопределяющая
одновременно истолкование
существа боли.

С началом завершения
метафизики начинается не
распознанная метафизикой и ей
принципиально недоступная
подготовка первого явления
двусложности бытия и сущего. Пока
еще таится в этом явлении ранний
отзвук истины бытия, которая
вбирает в себя первенство бытия как
правлящего.

IX. Преодоление метафизики мыслится бытийно-исторически. Оно — предвестие начального превозмогания забвения бытия. Раньше, хотя и потаеннее, чем такое предвестие, — то, что являет себя в нем. Это — само событие. То, что для метафизического образа мысли выглядит как предвестие чего-то другого, дает о себе. знать просто как последний отсвет более изначального света [\[17\]](#) . Преодоление метафизики оказывается достойным делом мысли лишь в той мере, в какой мысль помнит о превозмогании забвения бытия. Та же неотступная

мысль думает одновременно и о преодолении. Такая мысль-память [18] осмысливает то единственное событие лишения сущего своей собственной сути, в котором просвечивает и прощально озаряет человеческое существо бедственное положение истины бытия, а тем самым и начало истины. Это преодоление есть пре-дание [19] метафизики ее истине.

Сначала преодоление метафизики удастся представить лишь исходя из самой метафизики как бы в виде некоего ее превосхождения ею же самой. В этом случае оправданно заходит речь о метафизике

метафизики, затронутой в работе “Кант и проблема метафизики” [\[20\]](#) *, когда там делается попытка в данном аспекте интерпретировать кантовскую мысль, отправляющуюся пока еще просто от критики рациональной метафизики. Правда, мысли Канта приписывается тем самым нечто большее, чем он сам мог иметь в виду в границах своей философии.

Разговоры о преодолении метафизики могут, далее, иметь еще и тот смысл, что название “метафизика” присваивается платонизму, выступающему перед современным миром в

интерпретации Шопенгауэра и Ницше. Перевертывание платонизма, когда для Ницше чувственное становится соответственно истинным миром, а сверхчувственное неистинным, целиком остается еще внутри метафизики. Такого рода преодоление метафизики, какое имеет в виду Ницше, причем в смысле позитивизма XIX столетия, есть, хотя бы и в своем высшем превращении, лишь окончательное увязание в метафизике. Создается, конечно, видимость, будто “мета”, трансцендирование в сверхчувственное, отменяется в

пользу опоры на чувственно-вещественную стихию, в то время как на деле просто завершается забвение бытия и сверхчувственное разнуздывается и хозяйничает в виде воли к власти.

Х. Воля к воле пресекает, будучи не в состоянии это знать и не допуская знания об этом, всякое следование Судьбе, под которой здесь понимается пред-назначение, исходящее от явленности бытия сущего [\[21\]](#) . Воля к воле ожесточает все до неприступности судьбе. Следствием тому —

бессобытийность. Ее признак — господство историографического представления. Тупик последнего — историзм. Если бы кто-то захотел дать себе отчет в истории бытия, следуя обычному сегодня историографическому представлению, то такой промах нагляднейшим образом подтвердил бы господство забвения бытия как события.

Эпоха законченной метафизики стоит перед своим началом.

Воля к воле добивается — и это основная форма ее проявления — всеобщего расчета и упорядочения,

но только ради безусловной
возможности продолжать
обеспечение самой себя.

Основную форму проявления, в
которой воля к воле соответственно
организует и рассчитывает сама себя
среди бессобытийности мира
законченной метафизики, можно
сжато назвать “техникой”. Это
название охватывает здесь все
области сущего, из которых по-
разному сооружается целое сущего:
опредмеченную природу, устроенную
культуру, подстроенную политику,
надстроенные идеалы. “Техника”
означает здесь, таким образом, не
обособленные области машинного

производства и технического
вооружения. Последние, конечно,
обладают заслуживающим более
точного определения
господствующим статусом, который
опирается на первенство
вещественного как якобы
элементарно-стихийного и
первоочередно предметного.

Название “техника” понимается
здесь настолько сущностно, что в
своем значении оно совпадает с
рубрикой: законченная метафизика.
В нем содержится воспоминание о
греческой *τεχνή* которая есть
вообще одно из основных условий
развертывания существа метафизики.

Это название позволяет также
помыслить планетарность
законченной метафизики и ее
господство безотносительно к ее
исторически прослеживаемым
вариантам у разных народов и на
разных континентах.

XI. Метафизика Ницше выводит
на свет в воле к власти
предпоследнюю ступень волевого
развертывания бытия сущего как
воли к воле. Недостижение
последней ступени коренится в
подавляющем господстве
“психологии”, в понятиях власти и

силы, в жизненном энтузиазме. Оттого этой мысли не хватает строгости и тщательной отточенности понятия и спокойствия исторического осмысления. Царит историография, а потому апологетика и полемика.

Отчего происходит так, что ницшевская метафизика привела к пренебрежению мыслью при апелляции к “жизни”? Оттого что люди не заметили, что представляюще-планирующее (властвующее) обеспечение установлений данности в учении Ницше настолько же существенно для “жизни”, как “наращивание” и

жизненный подъем. Этот последний люди восприняли только со стороны упоения (психологически) и опять же не в том решающем аспекте, что он сообщает делу обеспечения установленной данности подлинный и каждый раз новый толчок и оправдание для неуклонного наращивания. Поэтому воле к власти присуще безраздельное господство рассчитывающего разума, а не туман и путаница темного брожения жизни. Дезориентированный культ Вагнера окутал ницшевскую мысль и ее изложения ореолом “художественности”, что после примера осмеяния философии (т. е.

Гегеля и Шеллинга), показанного Шопенгауэром, и после его же поверхностной интерпретации Платона и Канта помогло последним десятилетиям XIX столетия созреть для того воодушевления, в глазах которого поверхностность и туманность мысли, выпавшей из истории, сами по себе уже служат признаком истины [\[22\]](#) .

За всем этим кроется, однако, простая неспособность мыслить из существа метафизики, понять размах изменения существа истины и исторический смысл восходящего господства истины как достоверности и из этого понимания

заново осмыслить метафизику
Ницше как следующую простой
траектории новоевропейской
метафизики — вместо того чтобы
делать из нее литературный
феномен, более горячий, чем
прочищающий головы, сбивающий с
толку, а то и пугающий. В конце
концов, ницшевское пристрастие к
творцам выдает, что Ницше мыслит
лишь по-новоевропейски, идя от
гения и гениальности, и
одновременно — в технической
колее, идя от результативности. В
понятии воли к власти обе
конститутивные “ценности” (истина
и искусство) суть лишь перифразы

для “техники” — в сущностном смысле планирующе-рассчитывающего обеспечения результата — и для творчества “творческих личностей”, которые, поднимаясь над данностью жизни, снабжают жизнь новым стимулятором и обеспечивают функционирование культуры.

Все это служит воле к власти, но также и мешает тому, чтобы ее существо вышло на ясный свет широкого сущностного знания, могущего иметь свой источник только в бытийно-исторической мысли.

Существо воли к власти поддается пониманию только из воли к воле. Последняя, однако, впервые дает о себе знать на опыте только когда метафизика уже вступает на переходную ступень.

ХII. Ницшевская метафизика воли к власти предвосхищена в его фразе: “Грек знал и ощущал ужас и жуть существования: чтобы вообще суметь хотя бы просто жить, он был вынужден выставить впереди них сияющее порождение сна — олимпийцев” (“Сократ и греческая трагедия”, гл. 3, 1871.

Первоначальная редакция “Рождения трагедии из духа музыки”).

Здесь заложена противоположность “титанического” и “варварского”, “дикого” и “импульсивного” по *одну* сторону и прекрасной, возвышенной кажимости по *другую*.

Здесь уже предначертано — хотя еще не продумано с ясностью, не разграничено и не увидено из единого основания,— что “воля” нуждается в обеспечении наличного состояния и в нарастании *одновременно*. Но то, что воля есть воля к власти, остается еще скрытым.

Шопенгауэровское учение о воле владеет на первых порах мыслью Ницше. Предисловие к работе написано “в день рождения Шопенгауэра”.

На метафизике Ницше философия заканчивается. Это значит: она отшагала весь круг своих предначертанных возможностей. Законченная метафизика, основа планетарного образа мысли, предоставляет остов для упорядочения земли, которое будет, по-видимому, длиться долго. Такое упорядочение не нуждается в философии, потому что она уже заложена в его основе. Но с концом

философии вовсе не обязательно кончается мысль, она переходит к какому-то другому началу.

ХШ. В набросках к IV части “Так говорил Заратустра” Ницше пишет (1886): “*Мы проводим эксперимент над истиной!* Возможно, человечество от этого погибнет! В добрый час!” (Werke XII, S. 307).

Одна запись времени написания “Утренней зари” (1880—1881) гласит: “Новое в нашем теперешнем отношении к философии — убеждение, которого еще не было ни

у одной эпохи: *что мы не обладаем истинной*. Все прежние люди “обладали истиной”, даже скептики” (Werke XI, S. 268).

Что подразумевает Ницше, когда он там и здесь говорит об “истине”? Имеет ли он в виду “истинное” и мыслит ли его как действительно сущее или как имеющее силу во всяком суждении, поведении и жизни?

Что значит: провести эксперимент над истиной? Значит ли это — выдвинуть среди вечного повторения того же самого волю к власти в качестве истинно сущего?

Приходит ли эта мысль когда-либо к вопросу, *в чем* покоится *суть* истины и *откуда* сбывается истина *сути* ?

XIV. Как предметность приобретает характер, определяющий существо сущего как такового?

Люди мыслят “бытие” как предметность и хлопочут потом исходя отсюда о “сущем в себе”, забывая при этом только спросить и сказать, что они подразумевают под “сущим” и под “в себе”.

Что “есть” бытие? Имеем ли мы право исследовать в “бытии”, *что* оно такое [\[23\]](#) ? Бытие остается неспрошенным и само собой разумеющимся и оттого непродуманным. Оно таится в давно забытой и безосновной Истине [\[24\]](#) .

XV. Предмет в смысле объекта имеется лишь там, где человек становится субъектом, где субъект превращается в Я, а Я — в *ego cogito*; лишь там, где это *cogitare* понимается как “изначально синтетическое единство трансцендентальной апперцепции”;

лишь там, где для “логики” завоевана
верховная позиция (в истине как
достоверности декартовского “я
мыслю”). Только здесь раскрывает
себя существо предметного в своей
предметности. Только здесь станет
впоследствии возможным и
необходимым понять саму
предметность как “новый *истинный*
предмет” и возвести ее до абсолюта
[\[25\]](#) .

XVI. Субъектность, предмет и
рефлексия взаимосвязаны. Только
когда рефлексия будет воспринята
как таковая, а именно как

основополагающее отношение к
сущему, только тогда станет
возможным определить бытие как
предметность.

Восприятие рефлексии как такого
отношения заранее предполагает,
однако, что вообще все отношение к
сущему воспринимается как
repraesentatio: как пред-ставление.

Подобное, однако, может
оказаться исторически уместным
только когда идея превратилась в
perceptio [\[26\]](#) . В основе этого
превращения лежит переход истины
как согласования в истину как
установленную достоверность,

внутри которой сохраняется *adaequatio*. Достоверность в качестве самоудоверения (воления-самого-себя) есть *iustitia* в смысле оправдания отношения к сущему и к его первой причине, и тем самым — принадлежности к сущему. *Iustificatio* в смысле, приданном этому слову Реформацией, и ницшевское понятие справедливости как истины — одно и то же [\[27\]](#) .

По своей сути *repraesentatio* опирается на *reflexio*. Поэтому существо предметности как таковой обнаруживается только там, где существо мышления познается и в собственном смысле осуществляется

как “я мыслю нечто”, т. е. как рефлексия.

XVII. Кант вступает на путь продумывания существа рефлексии в трансцендентальном, т. е. онтологическом смысле. Он делает это в форме неприметного замечания в “Критике чистого разума” под рубрикой “Об амфиболии понятий рефлексии”. Отрывок включен задним числом, но полон сущностными прозрениями и размежеванием с Лейбницем, а потому в какой-то мере и со всей предшествовавшей метафизикой,

какою она входит в поле зрения самого Канта, т.е. основывающейся в своем онтологическом устройстве на Я.

XVIII. Со стороны похоже на то, как будто Я есть лишь подытоживающее обобщение и абстрагирование существа Я из всех отдельных человеческих Я. Особенно Декарт мыслит свое собственное Я явно как присущее обособленной личности (*res cogitans*, мыслящая вещь, как *substantia finita*, конечная субстанция); Кант, правда, продумывает, напротив, “сознание

вообще”. Однако Декарт даже свое собственное отдельное Я мыслит уже в свете представления и представленного, — конечно, пока еще не в нарочитом смысле — Я. Это представленное Я выступает уже в образе *certum*, достоверности, которая есть не что иное как обеспечение представляемого для представления. Здесь уже правит скрытое отношение к Я как к достоверности самого себя и представляемого. Только из этого отношения можно понять отдельное Я. Человеческое Я как доводящая себя до окончательности обособленная самость может водить

себя лишь в свете *отношения*
водящей себя воли, пусть еще не
опознанной, к этому Я. Никакое Я
не наличествует “в себе”, оно есть “в
себе” всегда лишь как являющееся
“внутри себя”, т. е. как существо Я
[\[28\]](#) .

Поэтому последнее существует
также и там, где отдельное Я никоим
образом не рвется вперед, где оно,
наоборот, отступает назад, а
господствуют общество и другие
формы объединений. Здесь же и
только здесь достигает чистого
господства подлежащий
метафизическому осмыслению
“эгоизм”, который не имеет

отношения к наивному “солипсизму”
[\[29\]](#) .

Философия в эпоху законченной метафизики есть антропология (см. теперь Holzwege, с. 91 сл.) [\[30\]](#) . Говорят ли пока еще о “философской” антропологии или нет, это все равно. Сама философия успела тем временем превратиться в антропологию и на этом пути стала добычей ответвлений метафизики, т. е. физики в самом широком смысле, включающем физику жизни и человека, биологию и психологию. Сделавшись антропологией, сама философия гибнет от метафизики.

XIX. Воля к воле полагает в качестве условий своей возможности обеспечение установленной данности (истина) и пересиливаемость влечений (искусство) [\[31\]](#) . Воля к воле соответственно сама в качестве бытия устраивает сущее. В воле к воле впервые достигает господства техника (обеспечение установленной данности) и категорический отказ от осмысления, беспамятность (“переживание”).

Техника как высшая форма рационального сознания, технически

истолкованного, и отказ от осмысления как закрытая от самой себя организованная неспособность подняться до какого-либо отношения к тому, что достойно вопрошания, принадлежат друг другу: они одно и то же.

Почему это так и как стало таким, будем предполагать здесь осмысленным и понятным.

Остается еще только пройти путем того единственного соображения что антропология не исчерпывается исследованием человека и волей к тому, чтобы все объяснять из человека в качестве его

выражения. Где не проводится никаких исследований, где, наоборот, идет поиск решений, там этот поиск тоже ведется так, что сперва одна масса человечества натравливается против другой и масса человечества признается исконной силой, как если бы она была альфой и омегой во всем сущем, а сущее и его меняющееся по обстоятельствам истолкование — только следствием.

Так дело доходит до безраздельного господства единственно определяющего вопроса: каков тот образ, которому призван соответствовать человек? При этом “образ” мыслится

неопределенно метафизически, т.е. платонически как то, что *есть* и изначально определяет собой всякую традицию и всякое развитие, само оставаясь от них независимым. Это априорное признание “человеческого образа” ведет к тому, что бытие ищут прежде всего и исключительно в *его* сфере, а самого по себе человека рассматривают как человеческий материал, как всегдашний $\mu\eta\ \sigma\upsilon$ по отношению к ιδέα [\[32\]](#).

XX. Поскольку воля к власти достигает своей предельной, безусловной обеспеченности, она в

качестве всеобеспечивающей
оказывается единственно
Направляющим и тем самым
Правильным. Правильность воли к
воле есть безусловное и
окончательное обеспечение ею себя
самой. Все, что она будет водить,
правильно и в порядке, потому что
воля к воле сама остается
единственным порядком. В этом
самообеспечивании воли к воле
изначальное существо истины
утрачивается. Правильность воли к
воле есть безусловно не-истинное.
Правильность не-истинного обладает
в сфере воли к воле своей особенной
неотразимостью. Но правильность

не-истинного, которое само *как таковое* остается потаенным, есть вместе с тем самое жуткое, что может случиться при извращении существа истины. Правильное овладевает истинным и устраняет истину. Воля к безусловному обеспечению вскрывает лишь всестороннюю необеспеченность.

XXI. Воля сама по себе есть уже акт стремления в качестве реализации цели стремления, причем эта цель осознанно и сознательно полагается не иначе как в понятии, т. е. в качестве чего-то

обобщенно-представленного. Воле
присуща осознанность. Воля к воле
есть высшая и безусловная
осознанность рассчитывающего
самообеспечения, производимого
волевым расчетом (см. “Воля к
власти”, № 458 [\[33\]](#)).

Поэтому ей присуще также
всестороннее, постоянное, полное
исследование средств, причин,
помех, расчетливая замена и
эксплуатация целей, обман и маневр,
инквизиторская хитрость, вследствие
чего воля к воле недоверчива и
скрытна даже по отношению к себе и
не нацелена ни на что другое как на
обеспечение себя самой в качестве

власти.

Бес-цельность, причем принципиальная, абсолютной воли к воле есть полнота той сущности воли, которая дала о себе знать в кантовском понятии практического разума как чистой воли. Последняя водит сама себя и есть в качестве воли бытие. Поэтому рассмотренная со стороны содержания чистая воля с ее законом формальна. Она есть сама себе единственное содержание в качестве формы.

XXII. Из-за того, что временами

воля воплощается в отдельных “волевых личностях”, кажется, будто воля к воле есть излучение этих личностей. Возникает мнение, будто источник воли к воле — человеческая воля, между тем как, наоборот, человек задействуется волей к воле, не осмысливая того, что он задействован.

Поскольку человек таким образом задействован и поставлен волей к воле на службу себе, в его существе по необходимости задействуется тоже “воля”, которой дается полная воля как инстанции истины. Вопрос повсюду только в том, действуют ли индивид и

коллективы от имени этой воли или же они пока еще просто имеют дело и торгуются с этой волей, пусть даже противятся ей, не ведая о том, что она их уже переиграла. Единственность бытия дает о себе знать также и в воле к воле, допускающей только одно направление, в каком можно водить. Отсюда происходит единообразие мира воли к воле, которая так же далека от простоты раннего начала, как не-истовость от истины, хотя первая принадлежит второй,

XXIII. Поскольку воля к воле

отрицает любую цель саму по себе и допускает цели лишь как средства для того чтобы волевым образом переиграть саму себя и создать для этой своей игры сцену действия, и поскольку, с другой стороны, воля к воле, если она хочет учредить себя в сущем, не может явиться вовне в образе катастрофической анархии, каковой она является по сути, то она вынуждена еще себя легитимировать. Тут воля к воле изобретает себе способ говорить об “исторической задаче”. Последняя мыслится не в обращении к изначальному и его истине, а как цель, предначертанная с точки зрения “исторических судеб”

и тем оправдывающая волю к воле.

XXIV. Борьба между теми, кто у власти, и теми, кто хочет к власти, с обеих сторон есть борьба за власть. Повсюду определяющим оказывается сама же власть. Благодаря этой борьбе за власть принцип власти с обеих сторон возводится в принцип абсолютного господства власти [\[34\]](#) . Одновременно, однако, здесь остается скрытым то одно, что эта борьба стоит на службе у власти и угодна ей. Вся борьба за власть заранее уже подвластна власти. Воля к воле только уполномочивает эту

борьбу. Власть же благодаря этой борьбе овладевает человеческими массами таким образом, что лишает людей возможности когда-либо выбраться на ее путях из забвения бытия. Борьба за власть неизбежно планетарна и как таковая по своей сути безысходна, потому что для нее не может быть того или иного исхода, ибо она отлучена от всякого Различения, от Различия (Бытия от сущего) и тем самым от истины и своею собственно силой вытеснена в исторически не-уместное: в оставленность бытием.

XXV. Боль, которую надо еще сначала испытать и *осилить*, есть прозрение и знание, что обеспеченность есть высшая и скрытнейшая нужда, принуждающая лишь из самой далекой дали. Обеспеченность заключается в мнении, будто мы уже держим в руках действительное и действительность и знаем, что такое истинное, не нуждаясь знать, в чем истина *истинствует*.

Бытийно-историческая суть нигилизма есть бытийная оставленность, поскольку в ней происходит так, что бытие опускается до устраиваемости. Это

опускание ставит человека полностью на службу себе. Такая служба — никоим образом не падение и не “негатив” в каком бы то ни было смысле.

Потому и не все равно какая человеческая масса способна исторически провести в жизнь абсолютный нигилизм. Потому и требуется даже борьба за решение, какая именно человеческая масса пригодна для абсолютного завершения нигилизма.

XXVI. Признаки последней оставленности бытием — провозглашение “идей” и “ценностей”, потерянные метания призывов к “делу” и к непрременной “духовности”. Все это заранее уже втянуто в механизм обеспечения процесса упорядочения. Последний в свою очередь определяется пустотой бытийной оставленности, внутри которой расходование сущего для манипуляций техники — к ней принадлежит и культура — оказывается единственным способом, каким пристрастившийся к себе самому человек еще может спасти свою субъективность,

взвинтив ее до сверхчеловечества. Недочеловечество и сверхчеловечество — одно и то же; они принадлежат друг другу, как в метафизическом “разумном живом существе”, animal rationale, животный “низ” и разумный “верх” неразрывно спарены до соответствия друг другу. Недочеловечество и сверхчеловечество мыслятся тут метафизически, не как нравственные оценки.

Расхождение сущего само по себе и как процесс обусловлено тем оснащением, в метафизическом смысле, посредством которого человек делает себя “господином”

всего “стихийного”. Такое расходование включает упорядоченное пользование сущим, которое становится поводом и материалом для производства и его роста. Это пользование применяется для нужд вышеназванного оснащения. Поскольку, однако, последнее сводится к безоговорочной необходимости постоянного наращивания и самообеспечения и имеет целью по существу бесцельность, то пользование становится использованием, расходование израсходованием.

“Мировые войны” с их “тотальностью” суть уже следствие

бытийной оставленности. Они ведут к обеспечению той или иной постоянной формы использования. В этот процесс втянут также и человек, который уже не скрывает ту свою черту, что он — важнейший материал для производства. Человек есть “ценнейший материал”, потому что он остается субъектом всякого использования, но притом так, что дает своей воле полностью раствориться в этом процессе и тем самым становится одновременно “объектом” бытийной оставленности. Мировые войны — это миро-войны, предварительная форма устранения различия между

войной и миром, каковое устранение неизбежно, поскольку “мир” стал не-миром вследствие оставленности сущего истиной бытия. Ибо “мир” в бытийно-историческом смысле (см. уже в “Бытии и времени”) означает неопредмеченное пребывание истины Бытия для человека, поскольку последний в своей сути препоручен Бытию. В эпоху исключительного властвования власти, т. е. массивного напора на сущее для его использования до израсходования, мир становится немиром, поскольку Бытие хотя и пребывает, но как таковое не правит в своей собственной области. Сущее

действительно как действенное. Повсюду — действенность, нигде нет простираения мира и все-таки еще есть, хотя и забытое, Бытие. По ту сторону войны и мира — пустое блуждание, израсходование сущего для самообеспечения упорядочивающего устраивания от пустоты бытийной оставленности. “Война” и “мир”, видоизменившиеся до утраты своей сути, втянуты в общее блуждание и, нераспознаваемые из-за отсутствия Различия, растворились в пустом процессе нарастающего манипулирования всем, чем можно манипулировать. На вопрос, когда

будет мир, нельзя ответить не потому, что длительность войны не поддается оценке, а потому, что сам вопрос спрашивает о чем-то таком, чего уже больше нет, ведь и война уже не есть нечто такое, что могло бы окончиться миром. Война стала разновидностью того истребления сущего, которое продолжается при мире. Необходимость считаться с затяжным характером войн есть лишь уже устарелая форма признания новизны эпохи потребления. Эта долго длящаяся в своей длительности война переходит не в мир прежнего рода, но в состояние, когда военное уже не

воспринимается как военное, а мирное становится бессмысленным и бессодержательным. Блуждание не знает истины бытия; но зато оно разворачивает полностью заорганизованный порядок и обеспечение всевозможного планирования в каждой сфере. В круге (плане) этих сфер отдельные области человеческого оснащения (вооруженности) становятся “секторами”; “сектор” поэзии, “сектор” культуры теперь тоже суть лишь планомерно организуемые участки той или иной “руководящей деятельности”, наряду с другими. Нравственное негодование тех, кто

еще не знает, что сейчас *есть*, часто нацелено на произвол и властолюбие “вождей” — самая фатальная форма постоянного их признания. Вождь — это гнев, который никак не перестает подавлять скандал, лишь по видимости устраиваемый негодующими, потому что действуют не они. Люди думают, будто вожди от себя, в слепом безумии эгоистического себялюбия пошли на все и утвердили себя по собственному своеволию. На деле они — неотвратимое следствие того, что сущее перешло в блуждающий способ существования, когда распространяется пустота,

требующая одного единообразного порядка и обеспечения сущего. Этим вызвана необходимость “руководства”, т. е. планирующе-рассчитывающего обеспечения совокупности сущего. Для этого должны быть поставлены и оснащены всем необходимым такие люди, которые служат делу руководства. “Руководители” — это определяющие ход дела работники организации оснащения, которые наблюдают за всеми секторами обеспечения использования сущего, просматривая совокупность обозреваемой сферы, и тем самым пытаются взять в свои руки

блуждание, полагаясь на возможность учесть его. Методом просматривания является способность расчета, заранее и всецело отдающая себя требованиям постоянно возрастающего обеспечения порядка на службе у ближайшей возможности упорядочения. Подчинение всех возможных устремлений цельной задаче планирования и обеспечения называется “чутьем”. “Чутье” означает здесь такой “разум”, который выходит за пределы считающегося лишь с ближайшим, ограниченного рассудка и от “мудрости” которого не ускользает

ничто из того, что призвано войти “фактором” в просчет всего, с чем необходимо считаться внутри отдельных “секторов”. Чутье есть соразмерная сверхчеловечеству сверхспособность интеллекта к абсолютно полному просчету в отношении всего. Поскольку последний полностью завладевает волей, кажется, что рядом с волей нет уже ничего, кроме уверенной хватки обнаженного стремления все просчитать, где первое правило — полнота всеобщего учета. “Чутье” считалось прежде отличительной чертой животного, которое выявляет и фиксирует в своей среде обитания

полезное и вредное ему и сверх того ни к чему не стремится. Уверенность животного инстинкта отвечает слепой замкнутости живого существа внутри области, которой оно пользуется. Абсолютному самоуполномочению сверхчеловечества отвечает полное высвобождение недочеловечества. Животный инстинкт и человеческое отождествляются.

Необходимость чутья как черты сверхчеловека означает, что в него входит недочеловечество — метафизически понятое,— но так, что как раз животное начало во всех своих формах подвергается

сплошному расчету и планированию (здравоохранение, воспитание). Поскольку человек есть важнейшее сырье, следует ожидать, что на основе сегодняшнего химического исследования со временем будут сооружены фабрики для искусственного создания человеческого материала. Исследования химика Куна, удостоенного в этом году премии Гёте города Франкфурта, уже открывают возможность планомерно по потребности регулировать рождение живых существ мужского или женского пола. Руководству литературой в секторе “культуры” с

обнаженной последовательностью
соответствует руководство
искусственным оплодотворением.
(Не нужно здесь из устарелой
щепетильности прятаться за какие-то
различия, которых больше не
существует. Потребность а
человеческом материале подлежит
той же регламентации и
организующему упорядочению, что и
потребность в развлекательном
чтении и поэзии, для изготовления
которой поэт ничуть не более важен,
чем переплетчик-подмастерье,
помогающий переплетать его поэзию
для какой-нибудь заводской
библиотеки и притаскивающий со

склада картонное сырье для переплетов.)

Потребление всех материалов, включая сырье “человек”, для технического производства неограниченной возможности изготовления всего потаенно обусловлено полной пустотой, в которой взвешено сущее, материал для “действительного”. Эта пустота требует заполнения. Поскольку, однако, пустоту бытия — тем более что ее не удастся ощутить как таковую — никогда не заполнить полнотой сущего, то для бегства от пустоты остается только одно, непрестанная организация сущего

ради постоянной возможности его упорядочения как формы обеспечения обесцеленной деятельности. В этом аспекте техника, стоящая без своего ведома перед пустотой бытия [\[35\]](#) , есть упорядочение недостатка. Повсюду, где сущего нехватка, — а для наращивающей себя воли к воле всего и всегда и повсюду в растущей мере не хватает, — техника должна быть на подхвате для создания заменителей и для исчерпывающего израсходования сырья. По сути, однако, “заменители” и массовое производство эрзац-продуктов — не временный выход из положения, а

единственная возможная форма, в которой воля к воле, “исчерпывающее” обеспечение порядка всеобщего упорядочения, держится на плаву и может таким образом “сама” оставаться “субъектом” всего. Рост числа человеческих масс обеспечивается, собственно, планомерно, для того чтобы никогда не отпал повод требовать для больших масс еще больших “жизненных пространств”, при своей величине в свою очередь требующих для их обустройства соответственно более многочисленных человеческих масс.

Этот круговорот потребления

ради полного израсходования есть уникальный процесс, отличающий историю мира, который превратился в немир. “Руководящие натуры” суть те, которые в силу безошибочности своего чутья позволяют, чтобы этот процесс уполномочил их в качестве своих управляющих органов. Они — ведущие уполномоченные внутри деловой операции исчерпывающего потребления сущего на службе обеспечения пустоты бытийной оставленности. Эта деловая операция потребления сущего в неосознанной обороне против неведомого Бытия заранее исключает национальные различия и различия

между народами, переставшие быть существенными определяющими моментами. Как исчезла разница между войной и миром, так отпадает и различие между “национальным” и “интернациональным”.

“Европейски” мыслящего человека теперь никто не сумеет упрекнуть в том, что он “интернационалист”. Но он уже и не националист, потому что о благе прочих “наций” он думает ничуть не меньше, чем о собственном.

Униформность исторического хода нынешней эпохи коренится тоже не в уподоблении задним числом

более старых политических систем новейшим. Униформность — не следствие, а причина военных размежеваний между отдельными кандидатурами на гегемоническое руководство процессом использования сущего для обеспечения порядка. Возникающая из пустоты бытийной оставленности униформность сущего, когда все сводится просто к планируемому обеспечению нужного порядка, подчиняющего сущее воле к воле, повсюду и до всяких национальных различий вызывает единообразие руководства, для которого любая государственная форма есть уже

просто одно из орудий власти в числе других. Поскольку действительность состоит в единообразии планомерного расчета, то и человек должен униформироваться, чтобы остаться на высоте действительного. Человек без уни-формы производит сегодня уже впечатление чего-то недействительного, не относящегося к делу. Сущее, допускаемое только в плане воли к воле, расплывается до неразличимости, овладеть которой теперь можно уже лишь посредством его методической организации, подчиненной принципу “производительности”. Последний

по видимости имеет последствием иерархическое упорядочение; по сути его определяющее основание — распад всякой иерархии, потому что целью производственного производства оказывается лишь равномерная пустота использования всякого труда в обеспечении порядка. Обнаженно излучаемое этим принципом без-различие никоим образом не совпадает с простым нивелированием, не идущим дальше отмены прежних иерархических порядков. Без-различие тотального потребления вытекает из “положительного” недопущения какой-либо иерархии — сообразно

господствующей пустоте всех
целеустановок. Этим без-различием
ознаменован уже обеспеченный
наличный состав немира бытийной
оставленности. Земля оказывается
немиром блуждания. Бытийно-
исторически она — блуждающая
звезда.

XXVII. Пастухи живут невидимо и
вне бесплодной опустошенной
земли, от которой требуется теперь
уже только полезность в целях
обеспечения господства человека,
чьи действия ограничиваются тем,
чтобы оценивать, важно или неважно

что-либо для самоутверждающейся жизни, каковая в качестве воли к воле заранее требует, чтобы всякое знание двигалось этим способом обеспечивающего расчета и оценки.

Неприметный закон земли хранит ее в смирении возникновения и гибели всех вещей внутри отмеренного круга Возможного, которому каждая вещь следует и который тем не менее ни одной из них не ведом. Береза никогда не превышает того, что возможно для нее. Пчелиный народ обитает внутри своего Возможного. Только человеческая воля, изворотливо устраивающаяся в технике, терзает

землю до усталости, истощения и искусственного изменения. Воля толкает землю за зрелый круг присущего ей Возможного к чему-то такому, что уже не есть Возможное и что потому есть Невозможное. Если технические проекты и мероприятия достигают многого в изобретательстве и захлестывающей гонке новаций, то это еще никак не может служить доказательством того, будто достижения техники делают возможным даже невозможное.

Актуализм и морализм современного исторического сознания суть последние шаги полного отождествления природы и

духа с существом техники. Природа и дух стали объектами самосознания; безусловное господство последнего заранее вгоняет их оба в такое единообразие, из которого нет путем метафизики никакого выхода.

Одно дело просто использовать землю, другое — принять благословение земли и найти себя в законе этого зачинающего принятия, чтобы беречь тайну Бытия и стоять на страже неприкосновенности Возможного.

XXVIII. Никакая акция, никакой

активизм не изменяет состояния мира, потому что бытие как действительность и действие замыкают сущее от события. Даже невероятное страдание, захлестнувшее землю, неспособно само по себе пробудить никакой перемены, потому что оно воспринимается лишь как страдание, т. е. страдательно и тем самым как состояние, противоположное действию, а стало быть — заодно с действием в той же самой метафизической сфере воли к воле.

Но земля все еще таится в не приметном законе Возможного, каковым она остается. Воля к воле навязала Возможному невозможное в

качестве цели. Интрига, организуемая это насилие и поддерживающая его господство, возникает из существа техники, если понимать здесь это слово как идентичное, понятию законченной метафизики. Абсолютное единообразие всех человеческих масс земли под господством воли к воле делает ясной бессмысленность человеческого действия, возведенного в абсолют.

Опустошение земли начинается как волевой, но в своей сути неузнанный и притом неузнаваемый процесс, в эпоху, когда существо истины очерчивается заведомой

достоверностью, в опоре на которую человеческое представление и поставление впервые удостоверяют сами себя. Гегель понимает этот момент истории метафизики как такой, когда принципом мысли становится абсолютное самосознание.

Похоже почти уже на то, как если бы от человека под господством воли к воле закрылось существо боли, равно как и существо радости. Может ли переизбыток страдания принести тут еще какое-то изменение?

Ни одно изменение не приходит без опережающего указывающего путеводительства. Но как сможет достичь нас какое-то путеводительство, если не высветится Событие, которое, призывая, требуя человека, озарит его существо,, даст ему сбыться и в этом о-существлении выведет смертных на путь мыслящего, поэтического обитания на земле?

[1] Этот поздно опубликованный текст (*Heidegger M. Überwindung der Metaphysik* // *Heidegger M. Vorträge und Aufsätze*. Pfullingen: Neske, 1954, S. 71 — 99) содержит записи 1936—1946 гг. к теме преодоления (превозмогания, *Verwindung*) метафизики. Он показывает отношение Хайдеггера к официальной идеологии тогдашней Германии и сохраняет всю весомость поставленного в нем вопроса о причине, сути и последствиях технического планирующе-покоряющего подхода к сущему.

[2] Метафизическая “истина сущего” не достигает бытия как света, каждый раз дающего видеть то, что есть. В эпоху гонки за продуктами озарения — изобретениями, образами мира — забывание бытия как

источника озарения становится определяющим историческим событием.

[3] Т. е. воля к воле, предпочитающая гибель отказу от самоутверждения, берущая все под контроль и учет и обеспечивающая свое наступление научными методами покорения природы, делает себя представителем бытия, вытесняя его собой. Поэтому с волей к воле уже не может случиться ничего неожиданного. Она закрыта для любого события, которое не устроено ею самой.

[4] Т. е. метафизика, якобы преодоленная трудовым отношением к миру, возвращается в новом человеческом типе — трудящемся, который поднимается над миром, делая его объектом своего труда.

Тип безраздельно правит как запредельный, метафизический идеал .

[5] “Сущее и только сущее” — идеал “чистой” науки. Новоевропейская наука неизбежно должна была скатиться с высоты этого идеала, который с самого начала был ложью: якобы беспристрастная объективность науки от ее возникновения движима страстью объективации, опредмечивающей обработки мировой данности. См. “Что такое метафизика ?”, с. 17; “Наука и осмысление”, с. 244. В эпоху воли к воле эта страсть перестает скрываться и изгоняет из науки последнюю тень незаинтересованности. Предмет в его “объективности” теряет право на бескорыстное увлечение им, исключительной задачей становится “представление” данных, т. е. предоставление

их для применения.

[6] “*Всякое* верование, всякое признание чего-либо за истину неизбежно ложно, ибо вовсе не существует *истинного мира*. .. А *мерилом наших сил* служит то. в какой мере можем мы, не погибая от этого, признать... необходимость лжи” (*Ницше Ф. Воля к власти § 15*). “*Необходимость ложных ценностей*” (там же, § 262). “*Истина есть род заблуждения* , без которого определенный род живых существ не мог бы жить... Истина лишь расположение различных заблуждений по отношению друг к другу: приблизительно так, что одно заблуждение древнее и глубже... неискоренимо в том смысле, что без него не могло бы жить органическое существо нашего рода” (§ 493). “ Мы спроецировали условия нашего сохранения как *предикаты*

сущего вообще” (§ 507). Комментарий Хайдеггера: здесь высказана последняя правда тысячелетних усилий метафизики по истолкованию бытия; настоящее назначение метафизической истины — подмена собою того, что способно было бы пошатнуть волю к воле (см. “Европейский нигилизм”, с. 146)

[7] “Ничтожное ничто” — противоположность Ничто как лицу быти которое есть “ничто сущее”.

[8] Т. е. декартовский субъект не определяется отношением Я к Ты, а сам определяет это отношение. Ты, как и вообще все внеположное субъекту, вторично по отношению к первичному акту противопоставления (опредмечивания), вместе с которым и в качестве которого возникает

субъект. Ты, как и вообще все, выступает здесь лишь деталью картины, сюжет (субъект) которой — объективация, акт вынесения сущего в предметное противостояние.

[9] Так у Декарта преобразается старое метафизическое различение сущности и существования: сущность становится предметным содержанием объекта, а существование — фактом его предстояния перед всеобозревающим субъектом.

[10] “Я мыслю есть мыслю себя мыслящим” (лат .)

[11] Античная мысль (см. *Аристотель. Метафизика. Кн. 4, начало*) требовала, чтобы теория (первая философия)

рассматривала бытие (το ον) в качестве бытия (η ον). После Декарта, однако, теория стала не просто рассматривать бытие, а “смотреть” за ним, т. е. обеспечивать, устанавливать и удостоверить его (см. “Наука и осмысление”, с. 244).

[12] Т. е. сознание в новоевропейской метафизике первично, бытием считается только то, что таковым признало сознание. Здесь, по Хайдеггеру, суть кантовского априоризма: сознание заранее диктует условия возможности всякого восприятия. Тем самым очерчиваются глобальные рамки научного представления, т. е. теоретического (“смотрительного”, см. прим. 4 и 10) препарирования данности .

[13] Т. е. хотя в новоевропейском субъекте с самого начала уже прикровенно

действовала воля к власти, но она еще признавала над собой требования объективности, научной строгости и не объявляла себя единственным законом сущего. В последние метафизические десятилетия прояснилось, что субъект обеспечивает только самого себя: за субъектом обнаружилась воля к власти, а содержанием воли к власти оказалась воля к воле.

[\[14\]](#) Бытие понималось ранними греческими мыслителями как природа в смысле спонтанного возникновения и возрастания в отличие от устроенного человеком (*Heidegger M. Vom Wesen und Begriff der Physis: Aristoteles' Physik II I // Heidegger M. Wegmarken. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1967, S. 370*). Греческое φύσις этимологически то же, что русские “бытие”,

“былинка”. О сужении древней φύσις до современной “природы” в смысле предмета естественнонаучного познания см. *Ахутин А. В.* Понятие “природа” в античности и в Новое время (“фюсис” и “натура”). М.: Наука, 1988.

[\[15\]](#) “Всякий центр силы... из себя конструирует весь остальной мир” (*Ницше Ф.* Воля к власти § 306); “Ценности и их изменения стоят в связи с возрастанием силы лица, устанавливающего ценности” (§ 14); “Точка зрения 'ценности' — это точка зрения условий сохранения, условий подъема сложных образований с относительной продолжительностью жизни внутри процесса становления” (§ 715).

[\[16\]](#) См. прим. 4. В эпоху “реальной действительности” кажется, что

запредельный мир платонических идей оставлен позади. На деле в практике нового человека, топчущего “далекую от жизни философию”, безраздельно правит трансцендентное метафизическое начало воли к власти и воли к воле. Слепота метафизической мысли в том, что она не узнает в наступательной воле к воле саму себя.

[\[17\]](#) Т. е. фундаментальная онтология Хайдеггера кажется метафизической мысли отходом от традиции, будучи на деле попыткой осмыслить то бытийное озарение, в свете которого метафизика только и могла вести свое истолкование мира.

[\[18\]](#) Andenken прочитывается здесь одновременно как “память” и как “мысль о...”. Русское “память” тоже связано с

“мнить”, мыслить, хотя эта связь в нем гораздо менее заметна.

[19] Über-lieferung — “передача”, “предание”, “традиция”. По Хайдеггеру, традиция бессильна держаться сама на себе, неспособна к самостоянию; она восстанавливается в меру настойчивого возвращения к истокам. Традиция самостоятельно не существует, она каждый раз осуществляется заново.

[20] * *Heidegger M.* Kant und das Problem der Metaphysik. Bonn, 1929.

[21] “Судьба” — приблизительный перевод *Geschick*, означающего “посылание”, каким оказывается для человека бытийное озарение независимо от того умеет ли человек принять его как

такое или ограждает себя от события бытия в последнем случае с вытеснением “судьбы” прекращается и история, будущее становится материалом волевого планирования.

[\[22\]](#) Имеется в виду неспособность философской публицистики увидеть в планетарной технике 19 в. завершение европейской метафизики. *Поверхностность* — черта современного рационализма (позитивизм, логический позитивизм, структурализм, технократия), *туманность* — черта его неизбежной оборотной стороны, иррационализма в его пестрых разновидностях.

[\[23\]](#) Т. е. всякое *что* всего лишь есть, дано в бытии, а значит, не само по себе бытие. Бытие ускользает от фиксации. Не то что бытие где-то существует само по себе и

сверх того еще ускользает от рассмотрения; нет, ускользание бытия как такового — это и есть само бытие.

[\[24\]](#) Истина — не *что* и не *кто*, она то первое, в чьем свете проясняется все. Эта изначальная ясность истины забыта в эпоху, требующую для всего доказательств.

[\[25\]](#) Т. е. на последнем витке метафизики важны не предметы как таковые (эпоха тщательного обследования природы со вниманием к ее мелочам ушли в прошлое), а подчинение всей предметной данности планомерной организации. “Управление... стремится всесторонне обеспечить само себя” (см. “Вопрос о технике”. с. 227). Волю к воле не волнует убыль природы, ее задача — взятие наличной предметности под контроль.

[26] “Восприятие” (лат.). “Идея” в платоновском смысле запредельного прообраза становится в Новое время представлением в человеческой голове.

[27] Iustificatio, “оправдание”, “праведность”, “справедливость”, т. е. полное избавление от первородного греха и вины в христианском богословии — благодать, даруемая за веру в Христа (Послание к Римлянам 5. 1; 8, 4 и др.; Послание к Галатам, 2, 20- -21). Лютер доводит это учение апостола Павла до вызывающей остроты: акт сердечной веры без всяких внешних дел благочестия, ритуала и благотворительности спасает и возвращает “внутреннего человека” к райской свободе и чистоте. По Хайдеггеру, “поиски достоверности прежде всего дают о себе знать в области веры как поиски достоверности спасения (Лютер), затем в

области физики как отыскание математической достоверности в природе (Галилей)” (Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 15. Seminare. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1986, S. 292). Ницше уличает старую добродетель справедливости в потакании слабым и провозглашает новую справедливость как волю жизненной силы к власти, не нуждающуюся в посторонних санкциях и оправдывающую сама себя. В этом смысле как лютеровское оправдание верой, так и ницшевская правда силы движимы одинаковым стремлением к “обеспечению (покоримости, доступности, обеспеченности)” бытия человеком и для человека (там же, S. 293).

[28] Т. е. не субъект зависит от Я. а наоборот, новоевропейское Я не осмеливается поднять голову иначе как с

санкции вскормленного его кровью и плотью “субъекта”.

[\[29\]](#) Те. эгоизм (от ego — Я) развертывает свою полную мощь, когда опирается на базу не индивидуального, коллективного субъекта.

[\[30\]](#) См. “Время картины мира”, с. 54 — 55.

[\[31\]](#) Übertriebbarkeit der Triebe. Г. мысли Хайдеггера, новоевропейское искусство в качестве “эстетической деятельности” проводит по отношению к чувствам, превращая их в “переживания”, ту же работу опредмечивания, как представление — по отношению к вещам.

[32] Т. е. господство типа (см. прим. 4) заставляет видеть в живом человеке лишь нехватку, “меон” ($\mu\eta\ \omicron\nu$ — “пока-еще-не”, греч.) идеального человеческого образа.

[33] См. Ницше Ф. Воля к власти § 458: “Ввести себя в норму, жить как живет *‘простой смертный’*, считать справедливым и хорошим то, что он считает справедливым, — это будет *подчинением стадным инстинктам*. Нужно дойти в своей отваге и строгости до того, чтобы ощущать такое подчинение как *позор*. Не мерить двойной меркой!.. Не отделять теории от практики!..”

[34] Т. е. борьба за власть распространяет и укореняет идею первостепенности вопроса о власти, хотя

борящиеся за власть не замечают, что являются лишь агентами власти.

[\[35\]](#) Бытие — всевпускающая “пустота”, “ничто сущее” и одновременно несметное богатство (см. “Европейский нигилизм”, с. 171—176). “Позитивная” наука ориентируется только на сущее и в “пустоте” бытия видит голую беспредметность.